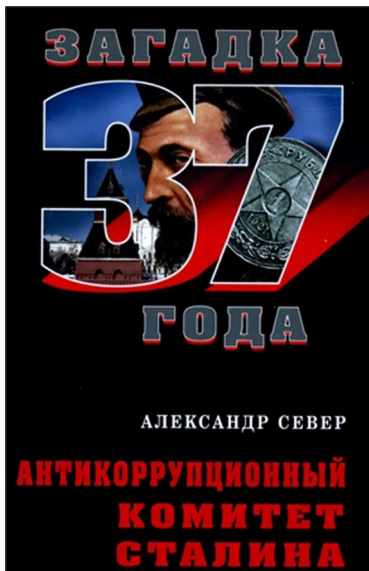

Александр Север
Антикоррупционный комитет Сталина
Серия «Загадка 1937 года»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898987
Антикоррупционный комитет Сталина: Алгоритм; Москва; 2009
ISBN 978-5-9265-0584-6

Аннотация

В течение многих веков взяточничество и лихоимство были неотъемлемыми частями российской государственной службы. И русские правители активно пытались искоренить эти явления.

Первым, кто начал масштабную борьбу с коррупцией в России, был Петр Великий. Этот российский царь прекрасно понимал, какую опасность для государства представляют взяточничество и казнокрадство, и поэтому объявил борьбу с этими явлениями всенародным делом. Петр обещал вознаграждение тем, кто донесет на казнокрадцев, а всем чиновникам запрещалось получать какое-либо иное вознаграждение за свой труд, кроме определенного им государством жалованья. Служащего, нарушившего запрет, ожидала суровая мера: «жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, и из числа добрых людей извержен, или и смертию казнен будет».

В XX веке в стране жестко боролся с коррупцией Иосиф Сталин. Только в отличие от Петра I он успешно справился с этой задачей...

Содержание

Вступление	5
Часть 1	8
«Демон революции» или бизнесмен?	8
«Советский барин» Зиновьев	11
Торговые представители Яков Ганецкий и Исидор Гуковский	15
Главный лесничий России Либерман	17
«Валютное дело»	19
Часть 2	22
Дело Гохрана	22
«Хлопковое дело»	25
«Гаражное дело»	27
Дело Центросоюза	28
Клубное дело	31
Дело Ленинградского военного порта	32
Еще примеры хищений, подлогов, мошенничества	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Север

Антикоррупционный комитет Сталина

© Север А., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Вступление

Теоретически возникновение и существование коррупции следует отнести вообще к дописьменной эпохе (правда, в этом случае свидетельств уж точно нет ни малейших). Ведь взятка становится возможной с того момента, когда произошло обособление функций управления в общественной и хозяйственной деятельности. Именно в этом случае у должностного лица (управленца) появляется возможность распоряжаться ресурсами и принимать решения не в интересах общества, а в своих собственных.

А случилось это ранее, чем шумеры и египтяне научились писать на глиняных табличках. Ко времени формирования государственных образований в древнейших центрах человеческой цивилизации (Египте, Месопотамии, Индии, Китае) в III–II тысячелетиях до н. э. первые симптомы коррупционной язвы уже давали о себе знать. Знакомый душок «принципа взятки» в общественных отношениях долетает до нас из многих архаичных текстов. Упоминание о чем-то похожем на нынешнюю систему коррупции встречается в сочинениях по искусству государственного управления древних народов.

В течение многих веков взяточничество и лихоимство были неотъемлемыми частями российской государственной службы. И правители активно пытались искоренить эти явления.

Еще в Древней Руси митрополит Кирилл осуждал мздоимство наряду с чародейством и пьянством. Мздоимство упоминается в русских летописях XIII века. А уже в XIV веке в Судных грамотах – Псковской и Новгородской – были введены положения, запрещающие посулы (взятки). О запрещении посулов (взяток) говорилось и в Судебнике Ивана III.

Однако формальные запрещения были малоэффективны. Преступления должностных лиц все более распространялись, и к XVI веку стало очевидно, что без установления в законодательном порядке санкций борьба с взяточничеством и лихоимством невозможна.

Иван Грозный справедливо считал, что от лихоимства власть имущих и происходят обиды и разорения народа. Он первым из русских царей в своем Судебнике 1550 года ввел ответственность судей за должностные преступления. В качестве наказания предусматривался штраф и телесные наказания, сопровождавшиеся бесчестьем. Виновному привязывали к шее вещь, взятую им в подарок, например, кошелек, серебро, жемчуг, соленую рыбу.

Первым, кто начал масштабную борьбу с коррупцией в России, был Петр Великий. Многие сравнивают его с Иосифом Сталиным. Действительно, за время их нахождения у власти страна сделала стремительный рывок вперед.

Российский царь прекрасно понимал, какую опасность для государства представляют взяточничество и казнокрадство, и поэтому объявил борьбу с этими явлениями всенародным делом. Указом от 23 октября 1713 года «О доношении всяким людям о государственных интересах царскому величеству самому» Петр I обещал вознаграждение тем, кто донесет на казнокрадцев и «кто на такого злодея подлинно донесет... тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будет; а буде достоин будет, дастся ему и чин его...»

В период правления Петра I начался очень важный этап в истории борьбы с лихоимством. Этот термин был введен в законодательство Указом от 24 декабря 1724 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное». Под лихоимством понималось получение чиновниками при отправлении своих служебных обязанностей посулов (взяток) и незаконных сборов с населения. Под страхом наказания Указ запрещал всем чиновникам получать какое-либо иное вознаграждение за свой труд, кроме определенного им государством жалованья. Служащего, нарушившего запрет, ожидала суровая мера: «Жестоко на теле наказан,

всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или и смертью казнен будет».

Отличительной чертой Указа стало введение принципа равенства ответственности за взяточничество для всех чиновников, независимо от класса занимаемой ими должности.

Именно при Петре I были наказаны высокопоставленные коррупционеры. Так, князя Гагарина, бывшего губернатора Сибири, повесили в Санкт-Петербурге, недалеко от новой Биржи, за то, что этот богатейший вельможа «дико растратил казну». Барон Шафиров украл конфискованное у Гагарина имущество, подделав подписи сенаторов, назначил своему брату повышенное жалованье, увеличил в свою пользу почтовые таксы. За что был лишен чинов и имущества и сослан в Сибирь.

Всеобщее лихоимство вынудило Петра учредить должности генерал-фискала и его помощников – обер-фискалов. Им были подчинены фискалы в губерниях и городах. Они должны были «тайно проверять, проведывать, доносить и обличать» злоупотребления, казнокрадство и взяточничество чиновников. Причем половина штрафа шла в пользу фискала.

Но и эта мера мало помогла. В 1724 году был казнен сам обер-фискал А. Нестеров за то, что «не токмо за другими противных дел по должности своей не смотрел, но и сам из взятков и для дружбы многое в делах упущение чинил. В провинциальные и городские фискалы многих определял недостойных и за это то деньгами, то лошадьми, запасами и другими разными вещами взятки с них брал...»

Другой обер-фискал М. Желябужский сочинял подложные духовные завещания и за то был бит кнутом и сослан на каторгу. Потому-то с тех пор слово «фискал» стало означать нечто низкое, корыстное.

Эстафету активной борьбы с коррупцией подхватила Екатерина II, а потом Александр I. Он часто с горечью говорил, что окружен негодями, и чиновники украли бы у него и флот, если бы знали, куда его девать. Одной из причин неудачной борьбы правителей предыдущих эпох с лихоимством император считал несовершенство существующей нормативно-правовой базы. Было принято несколько указов, но ситуация не изменилась.

Николай I попытался решить проблему лихоимства с помощью Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Согласно Инструкции от 13 января 1827 года, данной шефом жандармов генерал-адъютантом Бенкендорфом своим подчиненным, они должны были:

- обратить особенное внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки;

- наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладанием сильных лиц или пагубным направлением людей злоумышленных.

* * *

В двадцатые – тридцатые годы прошлого века аналогичные задачи приходилось решать чекистам. Советское государство, совсем еще молодое, тоже было поражено коррупцией. На волне революции наверх поднялись очень разные люди: были среди них идейные борцы и нестяжатели, были и те, кто рассматривал революцию как выгодное дельце. Впрочем, Россия в этом плане не была исключением, достаточно вспомнить пример Великой Французской революции, многие из вождей которой успешно совмещали революционную борьбу с обогащением. Конечно, французская революция была буржуазной, а наша, Октябрьская, рабоче-крестьянская, но ведь еще Маркс писал, что новое общество не рождается из воздуха, а строится на базе старого, да еще отягощается наследием этого старого общества.

В какой-то мере коррупция перешла советской власти по наследству от царского режима, хотя, конечно, только этим объяснить распространение лихоимства в Советской стране нельзя. Были, повторяем, такие деятели в Советском государстве, которые использовали доставшуюся им власть прежде всего в своих интересах. Но, в конце концов, как говорил известный персонаж В. Высоцкого, воровство существует во всех странах, главное – умение государства раскрывать преступления, бороться с ними.

Борьба с коррупцией становится одной из главных задач Советского правительства, и в отличие от своих предшественников – правителей царской России – Иосиф Виссарионович Сталин блестяще справился с этой задачей.

Часть 1

Разносчики заразы

«Демон революции» или бизнесмен?

Свой рассказ о коррупции в высших эшелонах советской власти мы начнем с «демона революции» Льва Троцкого. Оставим в стороне его политическую деятельность – о ней написано достаточно подробно, а поговорим о том, как он, находясь на государственной службе, занимался бизнесом.

В 1917 году возвращавшийся из десятилетней эмиграции Лев Троцкий сделал остановку в Христиании (Осло) и оттуда отправил в Российскую империю вот такую лаконичную (без предлогов и знаков препинания) телеграмму:

«После месячного плена англичан приезжаю Петроград семьей 5/18 мая».

Она была адресована дяде (брату матери) предпринимателю Абраму Львовичу Животовскому.¹ Как показали дальнейшие события, возвращение племянника в Российскую империю сначала создало дяде и его братьям проблемы (пришлось эмигрировать на Запад), а потом позволило не только компенсировать потери в России, но и войти в элиту парижского «бизнес-сообщества». Понятно, что и сам Лев Троцкий не упустил свой шанс заработать с помощью предприимчивых родственников. И вся его политическая карьера тесно переплелась с различными «бизнес-проектами». Расскажем о некоторых из них.

В 1919 году американское правительство оптом продало оставшиеся от Первой мировой войны гигантские военные склады во Франции и Бельгии Нью-Йоркскому банковскому консорциуму, который с огромной выгодой стал их распродавать. Эту финансовую структуру создал шведский банкир Олоф Ашберг.² В молодости он увлекался социализмом, но дальше дискуссий с другими шведскими социал-демократами дело не пошло.

Ашберг наладил тесное сотрудничество с Троцким, его старшим братом Александром Бронштейном (по утверждению писателя Анатолия Рыбакова, расстрелянным в 1937 году в Курской тюрьме) и их парижским родственником. Один из совместных проектов – создание в августе 1922 года первого советского коммерческого банка, вошедшего в историю под названием «Российский коммерческий банк». Олоф Ашберг стал его первым директором.³ Позже контроль над банком перешел к Госбанку РСФСР. 7 апреля 1924 года банк был переименован в «Банк внешней торговли СССР» (Внешторгбанк СССР). В 1988 году банк был еще раз переименован и стал называться «Внешэкономбанк СССР».⁴

Другой более ранний совместный проект – продажа золота Российской империи (не только принадлежащего государству, но и изъятого у частных лиц и организаций) на 20–30 % ниже его реальной рыночной стоимости. Какие комиссионные на этом заработали братья Бронштейны и их дядя – тема для отдельного разговора. А мы пока поговорим о другом коммерческом проекте – закупке американского военного снаряжения, обмундирования и подвижного состава.

Для прикрытия этой деятельности Максимом Литвиновым в Христиании (Осло) была создана подставная «Норвежско-русская торговая компания», а оплачивалось все золотом

¹ Островский А. В. О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен. СПб, 1995. № 5, с. 105.

² Мосякин А. Балтийский офшор. Istorija, 2001 год, № 13; <http://www.baltkurs.com/russian/arhiv/13/istor.htm>

³ Саттон Э. Альянс банкиров и революции // Голос совести, 2006 г., № 10.

⁴ Итоговая трансформация // <http://www.m3m.ru/articles/2006/12/13/4504.html>

через банки Ревеля. В конце 1920-го – начале 1921 года в оплату обуви, одежды, консервов, а также 100 локомотивов и 1600 железнодорожных вагонов к ним было переведено через Ревель в кладовые нью-йоркских банков более 50 тонн золота на сумму 65 млн. золотых рублей.⁵ Сколько заработали братья на этих поставках – опять-таки сказать сложно. Известно лишь, что Александр Бронштейн после окончания Гражданской войны уехал обратно в провинцию, где жил в качестве скромного советского служащего.⁶

Лев Троцкий и его земляк Лев Каменев оказались замешанными в еще одной финансовой афере. До Октябрьской революции «Русский торгово-промышленный банк» входил в десятку крупнейших кредитно-финансовых учреждений Российской империи. После революции в Париже и Лондоне продолжали действовать два его филиала. Однажды руководство этих структур объявило себя владельцами бизнеса и отказалось подчиняться правлению банка. Разразился громкий скандал. Владелец банка удалось через суд вернуть свой лондонский банк, а вот парижский они потеряли. Его директор, некто Кон, продал французскому банку особняк, а вырученную от сделки сумму, ну и еще активы «Русского торгово-промышленного банка» (свыше пяти миллионов франков) он передал в доверительное управление парижскому банкиру Животовскому, дяде по материнской линии Льва Троцкого и родственнику Льва Каменева. Предполагалось, что банкир, используя родственные связи, получит концессию на горнопромышленные предприятия Криворожского общества. Банкир два раза ездил в Москву, но сделка так и не была совершена.⁷

Вот как об этом деле сообщила 18 декабря 1923 года эмигрантская газета «Накануне» в статье под громким заголовком «Первая французская концессия в России». Следует заметить, что она симпатизировала Советской России, поэтому пафосный стиль вас не должен удивлять.

«Общество криворожских рудников», основанное в 1881 году, с капиталом в 5 млн. франков (на самом деле оно называлось «Французское общество криворожских руд» и имело уставной капитал 6 млн. франков. – *Авт.*), который впоследствии доведен до 30 млн., в настоящее время получает концессию на эксплуатацию рудных и угольных богатств Криворожского завода и нескольких металлургических заводов. Срок концессии – 50 лет. Значение концессии не только в возобновлении с весны будущего года богатых Криворожских рудников, угольных шахт и заводов, но и в том, что эта концессия, не уступающая по своим размерам Урквартовской, которая, как известно, не ратифицирована Советским правительством, является первой производственной концессией французских капиталов».

А далее в статье сообщалось, что одним из посредников при проведении переговоров был Абрам Львович Животовский – дядя Льва Троцкого.⁸

Возможно, одна из причин неудачи предпринимателя – незнание им реальной обстановки в регионе. Еще в марте 1920 года было создано районное управление рудников Криворожского и Никопольского бассейнов («Райруда»), а в ноябре 1921 года заработало первых три восстановленных рудника. А в 1922 году начал функционировать техникум, где готовили специалистов. Так что иностранцы опоздали.

Была и другая причина «провала» миссии Абрама Животовского: в то время Лев Троцкий увлекся политической борьбой и осенью 1923 года возглавил левую оппозицию.

Возможно, этим объясняется и «провал» другого проекта, где снова фигурирует «демон революции». В июне 1922 года на страницах издаваемой в Берлине (газета с точно

⁵ Мосякин А. Балтийский офшор. Istorija, 2001 год, № 13; <http://www.baltkurs.com/russian/arhiv/13/istor.htm>; Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 318.

⁶ Бронштейн В. Б. Его ближайшие и дальние родственники // Из глубины времен. СПб., 1995. С. 91–92.

⁷ Семенов Е. Русские банки за границей и большевики. (Из анкеты). Париж, 1926. С. 60–63.

⁸ Островский А. В. О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен. СПб., 1995. № 5, с. 124–125.

таким же названием выходила и в Париже) русской эмигрантской газеты «Двуглавый орел» была опубликована серия заметок под общим названием «Письма экономиста». В одной из них говорилось, что в 1921 году в Париже планировалось создать «замаскированный советский банк, для каковой цели большевики согласились ассигновать 25 млн. франков. Инициаторами этого дела в Париже были евреи: Высоцкий, Златопольский, Добрый, Цейтлин, братья Животовские, Лесин и другие...». Автор статьи ссылается на опубликованный в 1921 году газетой «Новое время» текст «копии письма Гуковского к Животовскому, найденный при обыске ЧеКа квартиры его сожительницы г-жи Арнольд в Москве». Согласно автору статьи из этого документа видно, что «организация такого банка была одобрена самим Бронштейном, который вместе с Гуковским и некоторыми другими большевиками должен был быть пайщиком, а в качестве директоров оказались приемлемы Лесин, Добрый, Шкаф и некоторые другие».⁹

⁹ *Островский А. В.* О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен СПб., 1995 год. № 5, с. 125.

«Советский барин» Зиновьев

В отечественной литературе принято изображать Григория Зиновьева безвинной жертвой диктатора Иосифа Сталина. Однако торговый представитель Советской России в Ревеле (Эстония) Георгий Соломон в изданной в 1930 году в Париже своей книге «Среди красных вождей» показал, кем же на самом деле был Григорий Зиновьев. Разумеется, все это он сообщил, когда перебрался на Запад.

Кто-то скажет, что свидетельство первого советского высокопоставленного невозвращенца (занимал пост директора фирмы «Аркос» в Лондоне) не может служить доказательством, т. к. он «злобно клеветает на советский строй». К сожалению, все изложенное ниже подтверждается документами. В 1920 году его направляют в Эстонию, где и произошел описанный ниже эпизод.

«Я к Коминтерну не имел никакого отношения и являлся лишь его «банкиром», причем в моих книгах велся точный учет всем переведенным на его счет суммам. Могу сказать только одно, что денег на счет Коминтерна переводилось много... Будущий историк сможет, если книги эти не будут уничтожены, точно установить суммы выброшенных на дело «мировой революции» народных сбережений, которые я с таким трудом превращал в актуальную валюту. — Я сказал: «на дело мировой революции». Приведу из этой сферы один эпизод, из которого читатель увидит, как расширительно толковался этот термин и его потребности. Я опишу этот эпизод подробно, чтобы читателю были ясны все его детали.

Мне подают полученную по прямому проводу зашифрованную телеграмму. Она подписана «самим» Зиновьевым. Вот примерный ее текст:

«Прошу выдать для надобностей Коминтерна имеющему прибыть в Ревель курьеру Коминтерна товарищу Сливкину двести тысяч германских золотых марок и оказать ему всяческое содействие в осуществлении им возложенного на него поручения по покупкам в Берлине для надобностей Коминтерна товаров. Зиновьев».

И вслед за тем ко мне является без доклада, и даже не постучав, и сам «курьер» Коминтерна. Это развязный молодой человек типа гостиннодворского молодца, всем видом и манерами как бы говорящий «а мне наплевать!». Он спокойно, не здороваясь и не представляясь, усаживается в кресло и, имитируя своей позой «самого» Зиновьева, говорит:

— Вы и есть товарищ Соломон?.. Очень приятно... Я Сливкин... слышали?.. да, это я товарищ Сливкин... Курьер Коминтерна, или, правильнее, доверенный курьер самого товарища Зиновьева... Еду по личным поручениям товарища Зиновьева, — подчеркнул он.

Я по своей натуре вообще не люблю амикошества (чванства. — *Авт.*), и, конечно, появление «товарища» Сливкина при описанных обстоятельствах вызвало у меня обычное в таких случаях впечатление. Я стал упорно молчать и не менее упорно глядеть не столько на него, сколько в него. Люди, знающие меня, говорили мне не раз, что и мое молчание, и глядение «в человека» бывают очень тяжелыми. И, по-видимому, и на Сливкина это произвело удручающее впечатление: он постепенно, по мере того как говорил и как я молчал, в упор глядя на него, стал как-то увядать, в голосе его слышались нотки какой-то неуверенности в самом себе и даже легкая дрожь, точно его горло сжимала спазма. И манеры, и поза его стали менее бойкими... Я все молчал и глядел...

— Да, по личным поручениям товарища Зиновьева... по самым ответственным поручениям, — как бы взвинчивая себя самого, старался он продолжать, постепенно начиная заикаться:

— Мы с товарищем Зиновьевым большие приятели... э-э-э, мы... то есть он и я... Вот и сейчас я командирован по личному распоряжению товарища Зиновьева... э-э-э... никого другого не захотел послать... э-э-э... пошлем, говорит, товарища Сливкина... он, говорит,

как раз для таких деликатных поручений... э-э-э... Меня все знают... вот и в канцелярии у вас... все... э-э-э... спросите кого хотите про Сливкина, все скажут... э-э-э... душа... э-э-э... человек...

Он окончательно стал увядать. Я был жесток – продолжал молчать и глядеть на него моим тяжелым взглядом...

– А что, собственно, вам угодно? – спросил я его, наконец.

– Извините, товарищ Соломон... э-э-э... верно, я так без доклада позволил себе войти... извините... может быть, вы заняты?..

– Конечно, занят, – ответил я. – Что же вам все-таки угодно?

И он объяснил, что явился получить ассигнованные ему двести тысяч германских марок золотом и что так как он едет с «ответственным» поручением самого товарища Зиновьева, то и позволил себе войти ко мне без доклада и даже не постучать. Он предъявил мне соответствующее удостоверение, из которого я узнал, что «он командирован в Берлин для разного рода закупок по спискам Коминтерна, находящимся лично у него, закупки он будет производить лично и совершенно самостоятельно, лично будет сопровождать закупленные товары», что я «должен ему оказывать полное и всемерное содействие, по его требованию предоставлять в его распоряжение необходимых сотрудников...» и что «отчет в израсходовании двухсот тысяч марок Сливкин представит лично Коминтерну».

– Хорошо, – сказал я, прочтя его удостоверение, – идите к главному бухгалтеру, у него имеются все распоряжения...

Он ушел. Была какая-то неувязка в документах. Он кричал, бегал жаловаться, всем и каждому, тыча в глаза «товарища Зиновьева», свое «ответственное поручение».

– Кто такой этот Сливкин? – спросил я Маковецкого, который в качестве управделами должен был все знать.

– Просто прохвост, – ответил Маковецкий. – Но все дамы Чуковского от него просто без ума. Он всем всегда угождает. Одна говорит: «товарищ Сливкин, привезите мне мыла Коти»... «духов Аткинсона» – просит другая. Он всем все обещает и непременно привезет... Вот увидите, и вам привезет какой-нибудь презент, от него не отвяжешься... Но он действительно очень близок Зиновьеву... должно быть, по исполнению всяких поручений...

И он замолк, так как был человеком скромным и целомудренно не любил касаться житейской грязи...

Перед отъездом Сливкин зашел и ко мне проститься, доложив о себе через курьера.

– Я зашел проститься, – сказал он, – и спросить, нет ли у вас каких-либо поручений?.. что-нибудь привезти из Берлина?.. Пожалуйста, не стесняйтесь, все что угодно... денег у меня достаточно... хватит...

– Нет, благодарю вас, – ответил я, – мне ничего не нужно... Желаю вам счастливого пути...

Он ушел, видимо разочарованный...

Недели через три я получаю от него телеграмму из Берлина, в которой он сообщает, что прибудет с «ответственным грузом» такого-то числа с таким-то пароходом, и требовал, чтобы к пароходной пристани по пристанской ветке были поданы два вагона для перегрузки товара и для немедленной отправки его в Петербург. Между тем, у нас в это время шла спешная отправка, чуть не по два маршрутных поезда в день, разных очень срочных товаров. И поэтому мой заведующий транспортным отделом, инженер Фенькеви, никак не мог устроить так, чтобы к прибытию парохода затребованные Сливкиным вагоны ждали его. Линия была занята составом, продвинутом к другому пароходу, с которого перегружался спешный груз... Словом, коротко говоря, по техническим условиям было совершенно невозможно немедленно удовлетворить требование Сливкина. И поэтому у Сливкина тотчас же по прибытии начались всевозможные недоразумения с Фенькеви. А. Фенькеви был мужчина

серьезный и никому не позволял наступать себе на ногу. Сливкин скандалил, кричал, что его «груз специального назначения», по «требованию Коминтерна», и что «это саботаж». Фенькеви возражал ему серьезными и убедительными доводами... Наконец Сливкин пришел ко мне с жалобой на Фенькеви. Я вызвал его к себе: в чем дело?..

– Прежде всего, – ответил Фенькеви, – линия занята маршрутным составом (40 вагонов), линия одна, отогнать маршрутный поезд мы не можем, не задержав на два дня срочных грузов – сельскохозяйственные орудия, а затем...

– А, понимаю, – сказал я. – Когда же вы можете подать два вагона?..

– Завтра в шесть утра. Сегодня к вечеру мы закончим нагрузку, отгоним груженный состав ночью, и он тотчас же пойдет по расписанию в Москву. И тотчас будет подан на пристань новый состав в 40 вагонов же, и из них два вагона в хвосте поезда останутся у парохода для тов. Сливкина...

– Нет, я должен спешить! К черту орудия, пусть подождут, ведь мои грузы по личному распоряжению товарища Зиновьева... я буду жаловаться, пошлю телеграмму, – кричал Сливкин.

– Ладно, – ответил я, – делайте что хотите, я не могу отменить срочных грузов...

Сливкин, разумеется, посылал телеграммы... В ответ получались резкие ответы, запросы. Я не отвечал. Но тут вышло еще недоразумение. Сливкин настаивал на том, чтобы оба его товарных вагона были завтра прицеплены к пассажирскому поезду. Железнодорожная администрация, конечно, наотрез отказала в этом. Хлопотал Маковецкий, Фенькеви – администрация стояла на своем: только министр может разрешить это. И я должен был обратиться лично к министру, который, в конце концов, разрешил это, лишь для меня...

Все мы были измучены этим грузом «для надобности Коминтерна». Все сбились с ног, бегали, писались бумаги, посылались телеграммы... И дорогое время нескольких человек тратилось в угоду Зиновьеву... его брюху... Фенькеви лично руководил перегрузкой. Когда все было, наконец, окончено, он явился дать мне отчет. Он был мрачен и раздражен.

– А что это за груз? – спросил я вскользь.

– Извините, Георгий Александрович, – я не могу спокойно об этом говорить... Столько всяких передраг, столько гадостей, жалоб, кляуз... и из-за чего?.. Противно, тьфу, этакая гадость!.. Все это предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева, – с озлоблением произнес он это имя. – «Ответственный груз», ха-ха-ха!.. Всех подняли на ноги, вас, всю администрацию железной дороги, министра, мы все скакали, все дела забросили... Как же, помилуйте! У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев, по слухам, принял к себе на службу бывшего царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и черт знает чего еще для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахаре, сардинки... А там народ голодает, обовшивел... армия в рогожевых шинелях... А мы должны ублажать толстое брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева... Гадость!.. Извините, не могу сдержаться... А потом еще драгоценное белье для Лилиной и всяких других «содкомок», духи, мыла, всякие инструменты для маникюра, кружева и черт его знает что... Ха, «ответственный груз», – передразнил он Сливкина и отплюнулся. – Народные деньги, куда они идут! Поверите, мне было стыдно, когда грузили эти товары, сгореть хотелось! Не знаю, откуда, но все знали, какие это грузы... Обыватели, простые обыватели смеялись. И зло смеялись – люди говорили не стесняясь: «Смотрите, куда советские тратят деньги голодных крестьян и рабочих... ха-ха-ха, небось Гришка Зиновьев их лопают да на своих девок тратит...»

Все было улажено, Сливкин уехал со своим «специальным грузом для надобностей Коминтерна». Перед отъездом он зашел ко мне проститься. Он был доволен: так хорошо услужил начальству... А я был зол... Прощаясь, он протянул мне какую-то коробку и сказал:

– А вот это вам, товарищ Соломон, маленький презент для вашей супруги, флакон духов, настоящие «Коти»...

– Благодарю вас, – резко ответил я, – ни я, ни моя жена не употребляем духов «Коти»...

– Помилуйте, товарищ, это от чистого сердца...

– Я уже сказал вам, – почти закричал я, – не нужно... Прощайте...

А Сливкин был действительно рубаха-парень. Всем служащим Гуковского и самому Гуковскому он привез разные презенты. Мои же сотрудники и сотрудницы, как и я, отклонили эти презенты.

Сливкин приезжал еще раз или два и все с «ответственными» поручениями для Коминтерна, правда, не столь обильными. А вскоре прибыл и сам Зиновьев. Я просто не узнал его. Я помнил его, встречаясь с ним несколько раз в редакции «Правды» еще до большевистского переворота: это был худощавый юркий парень... По подлой обязанности службы (вспоминую об этом с отвращением) я должен был выехать на вокзал навстречу ему. Он ехал в Берлин. Ехал с целой свитой... Теперь это был растолстевший малый с жирным, противным лицом, обрамленным густыми курчавыми волосами, и с громадным брюхом...

Гуковский устроил ему в своем кабинете роскошный прием, в котором и мне пришлось участвовать. Он сидел в кресле с надменным видом, выставив вперед свое толстое брюхо, и напоминал всей своей фигурой какого-то уродливого китайского божка. Держал он себя важно... нет, не важно, а нагло. Этот ожиревший на выжатых из голодного населения деньгах каналья едва говорил, впрочем, он не говорил, а вещал... Он ясно дал мне понять, что очень был «удивлен» тем, что я, бывая в Петербурге, не счел нужным ни разу зайти к нему (на поклон?)... Я недолго участвовал в этом приеме и скоро ушел. Зиновьев уехал без меня. И Гуковский потом мне «дружески» пенял:

– Товарищ Зиновьев был очень удивлен, неприятно удивлен, что вас не было на пароходе, когда он уезжал... Он спрашивал о вас... хотел еще поговорить с вами...

Потом в свое время, на обратном пути в Петербург, Зиновьев снова остановился в Ревеле. Он вез с собою какое-то колоссальное количество «ответственного» груза «для надобностей Коминтерна». Я не помню точно, но у меня осталось в памяти, что груз состоял из 75 громадных ящиков, в которых находились апельсины, мандарины, бананы, консервы, мыла, духи... но я не бакалейный и не галантерейный торговец, чтобы помнить всю спецификацию этого награбленного у русского мужика товара... Мои сотрудники снова должны были хлопотать, чтобы нагрузить и отправить весь этот груз... для брюха Зиновьева и его «содкомов»...

Но эти деньги тратились, так сказать, у меня на виду. А как тратились те колоссальные средства, которые я должен был постоянно проводить по разным адресам, мне неизвестно... Может быть, когда-нибудь и это откроется... Может быть, откроется также и то, что Зиновьев не только «пожирал» народные средства, но еще и обагрят свои руки народной кровью... Так, один из моих сотрудников, Бреслав, рассказывал мне, как на его глазах произошла сцена, которую даже он не мог забыть... Он находился в Смольном, когда туда к Зиновьеву пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал:

– Уведите этих мерзавцев на двор, приставьте к стенке и расстреляйте! Это контрреволюционеры...

Приказ был тотчас же исполнен без суда и следствия... Я был бы рад, если бы Бреслав подтвердил это...».¹⁰

...Известно, что «барин» Григорий Зиновьев в 1936 году по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» был приговорен к расстрелу.

¹⁰ Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 306–312.

Торговые представители Яков Ганецкий и Исидор Гуковский

Среди тех, кто хранил свои сбережения за границей, был Яков Ганецкий, с августа 1920 года по декабрь 1921 года – полномочный и торговый представитель РСФСР в Латвии. Полномочным представителем РСФСР в Эстонии в то же время был назначен Исидор Гуковский (до перехода на дипломатическую службу он занимал пост наркома финансов и был членом коллегии наркомата государственного контроля РСФСР).

Назначив Исидора Гуковского и Якова Ганецкого на ключевые посты, большевики столкнулись с проблемой контрабанды и хищения переправляемых через границу драгоценностей.

Чтобы читатель имел представление о происходящих в Ревеле безобразиях, автор процитирует несколько страниц из воспоминаний Георгия Соломона. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Сотрудники Гуковского жили и работали в этой же гостинице (речь идет о «Петербургской гостинице». – *Авт.*). Жили грязно, ибо все это были люди самой примитивной культуры. Тут же в жилых комнатах помещались и их рабочие бюро, где они и принимали посетителей среди неубранных постелей и сваленных в кучу по стульям и столам грязного белья и одежды, среди которых валялись деловые бумаги, фактуры. Большинство поставщиков были «свои» люди, дававшие взятки, приносившие подарки и вообще оказывавшие сотрудникам всякого рода услуги.

С самого раннего утра по коридорам гостиницы начиналось движение этих темных гешефтмахеров. Они толпились, говорили о своих делах, о новых заказах. Без стеснения влезали в комнаты сотрудников, рассаживались, курили, вели оживленные деловые и частные беседы, хохотали, рассказывали анекдоты, рылись без стеснения в деловых бумагах, которые, как я сказал, валялись повсюду, тут же выпивали с похмелья и просто так. Тут же валялись опорожненные бутылки, стояли остатки недоеденных закусок... Тут же сотрудники показывали заинтересованным поставщикам новые заказы, спецификации, сообщали разные коммерческие новости... тайны...

У Гуковского в кабинете тоже шла деловая жизнь. Вертелись те же поставщики, шли те же разговоры... Кроме того, Гуковский тут же лично производил размен валюты. Делалось это очень просто. Ящики его письменного стола были наполнены сваленными в беспорядочные кучи денежными знаками всевозможных валют: кроны, фунты, доллары, марки, царские рубли, советские деньги... Он обменивал одну валюту на другую по какому-то произвольному курсу. Никаких записей он не вел и сам не имел ни малейшего представления о величине своего разменного фонда.

И эта «деловая» жизнь вертелась колесом до самого вечера, когда все – и сотрудники, и поставщики, и сам Гуковский – начинали развлекаться. Вся эта компания кочевала по ресторанам, кафе-шантанам, сбиваясь в тесные, интимные группы... Начинался кутеж, шло пьянство, появлялись женщины... Кутеж переходил в оргию... Конечно, особенное веселье шло в тех заведениях, где выступала возлюбленная Гуковского... Ей подносились и Гуковским, и поставщиками, и сотрудниками цветы, подарки... Шло угощение, шампанское лилось рекой... Таяли народные деньги...

Так тянулось до трех-четырех часов утра... С гиком и шумом вся эта публика возвращалась по своим домам... Дежурные курьеры нашего представительства ждали возвращения Гуковского. Он возвращался вдребезги пьяный. Его высаживали из экипажа, и дежурный курьер, охватив его со спины под мышки, втаскивал смеющегося блаженным смешком «хе-хе-хе» вверх, укладывал в постель... На первых же днях моего пребывания в Ревеле

мне пришлось засидеться однажды в своем кабинете за работой до утра, и я видел эту картину втаскивания Гуковского к нему в его комнату.

Услыхав возню и топот нескольких пар ног, я вышел из кабинета в коридор и наткнулся на эту картину. Хотя и пьяный, Гуковский узнал меня. Он сделал движение, чтобы подойти ко мне, и безобразно затрепыхался в руках сильного и крупного Спиридонова, державшего его, как ребенка.

– А-а! – заплетающимся, пьяным языком сказал он. – Соломон?.. по ночам работает... хи-хи-хи... спасает народное достояние... А мы его пропиваем... день, да наш!.. – И вдруг совершенно бешеным голосом он продолжал:

– Ссиди!.. хи-хи-хи!.. сстарайся (непечатная ругань)!.. уж я не я, а будешь ты в Чеке... фьюить!.. в Чеку!.. в Чеку!.. к стенке!..

– Ну, ну, иди знай, коли надрызгался, – совсем поднимая его своими сильными руками и говоря с ним на «ты», сказал Спиридонов. – Нечего, не замай других... ведь не тебе чета...

И он внес его, скверно ругающегося и со злобой угрожающего мне, в его комнату...». ¹¹

Хотя пьянки – это только вершина айсберга. Георгий Соломон случайно выяснил, что при заключении сделок сотрудники Гуковского, да и он сам, требовали от потенциальных поставщиков до 40 % вознаграждения от суммы контракта. Так, фирма «Эриксон» попыталась продать Советской России 800 аппаратов Морзе. Первоначальная цена (включая все «накладные расходы» – транспортировку, упаковку и т. п.) прозвучала как 960 шведских крон за аппарат. А когда коммерсант узнал, что ему не надо платить «откат», то цена сразу же снизилась до 600 шведских крон. ¹² И таких примеров можно привести множество.

Другой способ бизнеса Гуковского. Заключение контрактов, внесение предоплаты в размере 50 % и все... Дальнейшие обязательства не выполнялись. Когда заключенные Гуковским договора изучили профессиональные юристы, то они признали их мошенническими. ¹³

А вот еще иллюстрация на тему того, как «советские сановники обращались с переданными им для продажи драгоценностями». Снова цитата из мемуаров Георгия Соломона:

«Приведу со слов самого Гуковского, как он получил пакет с разными драгоценностями. Они были кое-как завернуты в бумажки, никакой описи к пакету не было приложено.

– Вот видите, как мне верят, – хвастался Гуковский. – От меня не потребовали даже расписку в получении, просто взяли и послали весь пакет на мое имя за одной только печатью. Я стал выбирать из пакета камни и изделия, а бумаги выбрасывал в сорную корзину... Ну, вот, через несколько дней мне потребовалось взять из корзины клочок бумаги. Запустил я в нее руку, и вдруг мне попался какой-то твердый предмет, обернутый в бумагу. Я его вытащил. Что такое?.. Хе-хе-хе!.. Это оказалась диадема императрицы Александры Федоровны, хе-хе-хе! Оказалось, что я ее по нечаянности выбросил в корзину, хе-хе-хе!..». ¹⁴

Комментарии излишни...

В мае 1921 года Исидора Гуковского вызвали в Москву. Но до Москвы «дипломат» не доехал – умер в Ревеле. А Яков Ганецкий был расстрелян в 1937 году и считается одной из безвинных жертв сталинских репрессий.

¹¹ Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 245–247.

¹² Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 265–266.

¹³ Там же. С. 269–271, 275–276.

¹⁴ Там же. С. 295.

Главный лесничий России Либерман

С 1917 по 1926 год лесным хозяйством в Советской России руководил С. И. Либерман. У него типичная для чиновников его уровня биография. Родился на Украине в семье управляющего имением. После сдачи экзаменов на аттестат зрелости С. И. Либерман уехал учиться в Австрию. В 1904 году вернулся в Российскую империю. Поучаствовал в революционных событиях и чудом избежал ареста. А после 1905 года объективно оценив положение большевиков, предпочел «завязать» с политикой. По знакомству устроился на хорошо оплачиваемую должность в контору, занимающуюся экспортом леса. В первое время ему платили 40 рублей в месяц. Столько же получал высококвалифицированный рабочий. А затем его доходы начали стремительно расти, и он стал специалистом по лесному хозяйству. Позднее он сам хвастливо напишет в своих мемуарах:¹⁵

«Через несколько лет я был уже директором ряда лесопромышленных предприятий, получал командировки за границу для изучения рынков Европы, был назначен членом Экспертной комиссии лесного департамента Министерства земледелия по пересмотру и улучшению торгового договора с Германией, а накануне войны 1914 года стоял во главе трех крупных обществ...»¹⁶

Он охотно предложил свои услуги сначала Временному правительству, а потом и большевикам – оченьгодились старые связи. В упоминавшихся выше мемуарах он признался, что продолжал *считать* себя меньшевиком, но при этом интересы страны для него якобы важнее собственных политических взглядов. Хотя это не помешало ему отправить жену и сына в Англию.

Чего не скажешь о собственных материальных выгодах. В марте 1920 года советская делегация поехала в Швецию закупать необходимую технику. А вот что было дальше... Предоставим слово самому С. И. Либерману:

«Закупили мы также машины для лесопильных заводов. Нужно сказать, что в это время машины для этой индустрии быстро совершенствовались и что новые модели, которые работали необыкновенно быстро, постепенно заменяли собой старые. Некоторые машиностроительные фирмы, быть может, иной раз под влиянием наших недругов, старались продать нам новейшие, самые быстроходные машины, с которыми далеко не каждый русский рабочий мог справиться. Мы решили, наоборот, закупить самое усовершенствованное оборудование лишь для одного большого завода, который мы хотели сделать образцовым и, так сказать, учебным заводом; остальные машины мы купили более старых моделей и приобрели их поэтому за сравнительно дешевую цену.

Казалось бы, это было разумно. Но впоследствии – значительно позже – кое-кто вздумал вить мне веревку из этих закупок. В ГПУ стали обвинять меня... во вредительстве: я сознательно закупил менее быстроходные машины, чтобы вредить советской промышленности!»

Об этом эпизоде Либерман не в кабинете следователя НКВД в 1937 году рассказал, а в 1944 году, когда жил в США. Покупка устаревших моделей по цене новейших – почему бы и нет!

В мемуарах С. И. Либермана можно найти и другие пикантные эпизоды. Например, в октябре 1925 года его вызвали в Москву. Чекистов очень интересовала его коммерческая

¹⁵ Либерман С. И. Дела и люди. (На советской стройке). Нью-Йорк, 1944 // электронная версия книги <http://www.geocities.com/Paris/Palais/6854/liber/>

¹⁶ Либерман С. И. Дела и люди.

деятельность. Понятно, что его провожали британские партнеры по бизнесу. Хотите узнать подробности? Они вас точно удивят:

«Первым явился владелец одной большой английской фирмы, с которым у меня установились дружеские отношения. Он крепко пожал мне руку и затем сказал:

– Как ни тяжело мне об этом говорить, но я считаю своим долгом спросить вас: что сделать с вашим сыном, если с вами «что-либо» случится? Хотите ли вы, чтобы он продолжал образование? Или взять его к себе и обучить работе в моей фирме? Я постараюсь заменить ему отца!

Следующим явился крупный лесопромышленник, очень богатый человек, и заявил:

– Жаль, что вы не мой брат, тогда я заставил бы вас не возвращаться. Но я этого силой сделать не могу, поэтому в последний раз убеждаю вас отказаться от поездки. Пока у меня есть хлеб, он будет и у вас. Но если вы поедете, вы можете быть спокойны за вашу семью.

Так говорили они, один за другим. Они как бы хоронили меня, утешая меня в то же время. Их сочувствие было искренним, их аргументы были убедительны, их обещаниям хотелось верить...».

Британцы по характеру мало сентиментальные люди, они чопорные даже по отношению друг к другу, не говоря уже о представителях других национальностей. А тут такая сцена. О многом она заставляет задуматься. Строились ли их отношения на чисто дружеской основе или в их основе лежало что-то еще? Снова цитата из воспоминаний:

«Когда я впоследствии, отказавшись от советской службы, остался без всякой работы и обратился за помощью к последнему из упомянутых посетителей, он ответил, что, конечно, рад бы дать мне работу у себя, «но так как ваши бывшие хозяева настроены против вас, а я продолжаю с ними торговые отношения, то я, к сожалению, ничего сделать не могу»...»¹⁷

В Москве С. И. Либерман регулярно бывал на допросах у следователя ОГПУ. Он проходил по уголовному делу, возбужденному против него, в качестве подозреваемого. Прямых улик против него не было, тем не менее не понятно, чем бы закончилось это дело, если бы шведские бизнесмены не организовали вызов своего партнера для заключения очередного договора. С. И. Либерману позволили выехать из Советской России. Понятно, что обратно он уже не вернулся.

¹⁷ Либерман С. И. Дела и люди (На советской стройке) // <http://www.geocities.com/Paris/Palais/6854/liber/lbr-96.html>.

«Валютное дело»

Комиссариатом финансов Советской России руководил Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант) – весьма интересная личность. Мы не будем рассказывать обо всех его деяниях, а коснемся только одного – так называемой валютной интервенции.

В 1922 году в Советской России одновременно существовало две денежных (валютных) системы.

В первой использовались совзнаки (советские казначейские знаки, расчетные знаки РСФСР, денежные знаки РСФСР (СССР), которые использовались с 1919 по 1924 год. В силу ряда причин они были подвержены значительному обесценению. Так, при выпуске совзнаков образца 1922 года 1 рубль новых денежных знаков приравнивался к 10 000 старых. При выпуске совзнаков образца 1923 года 1 рубль новых денежных знаков приравнивался к 100 рублям образца 1922 года или 1 000 000 более старых.

Во второй использовались червонцы, которые начали выпускаться с октября 1922 года. Эти деньги были полностью обеспечены государством запасами драгоценных металлов и иностранной валютой, товарами и векселями надёжных предприятий. Червонец был встречен населением с доверием и рассматривался, скорее, не как средство обращения, а как надежная ценная бумага. К тому же червонец котировался на большинстве валютных бирж Западной Европы и использовался во внешнеторговых операциях не только государственными организациями, но и частными.

Одновременно на финансовом рынке Советской России существовал еще один объект инвестирования – золото. Основные источники его поступления – оставшиеся у населения еще с царских времен золотые монеты, а также поступившие из-за рубежа. Другой источник поступления – золото, добытое старателями в Сибири.

С октября 1925 года по апрель 1926 года по указанию Григория Сокольникова была проведена «валютная интервенция» – продажа государством золота предпринимателям. Ее цель – изменить соотношение курса червонца. В результате от этой операции выиграли только частники. Они скупили золота на сумму 29 млн. рублей и иностранной валюты на сумму 21 млн. рублей. В результате бизнесмены получили около 50 млн. рублей для оплаты контрабанды, незаконных переводов за границу и финансовых спекуляций.

Расскажем о финансовых операциях на примере Закавказья:

«Основными пунктами валютной деятельности Закавказья являются несколько наиболее крупных городов, а именно: Баку, Тифлис, Батум, Эривань, Ганджа, Ленинанкан, Кутаис, Джульфа, Нахичевань, Потти. Эти города, в свою очередь, обслуживают менее значительные пункты в провинции.

Таким образом, для определения приблизительного объема нелегальных валютных операций в закавказском масштабе достаточно выявить общий характер деятельности валютных рынков в указанных выше городах.

Главными объектами биржевого оборота являются: английские фунты, американские доллары, турецкие бумажные лиры и золотая десятка. В некоторых районах в валютном обороте участвуют также и персидские серебряные краны, операции с которыми приняли довольно интенсивный характер в середине 1925/26 г. на бакинском вольном валютном рынке.

По имеющимся данным можно приблизительно установить, что 30 % всех сделок с валютой проходят один оборот и оседают в твердых руках, 50 % имеют двукратное обращение и 20 % – преимущественно мелкие операции – оборачиваются три-четыре раза.

Суточный валютооборот по отдельным городам представляется в следующих цифрах: Баку – 40–45 тыс. руб., Тифлис – 20–25 тыс. руб., Батум – 10–13 тыс. руб., Эривань – 3–4 тыс.

руб., Ганджа – 2 тыс. руб., Ленинакан – 10–13 тыс. руб., Кутаис – 1–172 тыс. руб., Потти – 1 1/2 тыс. руб., Джульфа – 1–2 тыс. руб., Нахичевань – 1 1/2–2 тыс. руб. и остальные мелкие пункты – 5 тыс. руб., а всего в пределах Закавказья суточный валютнооборот выражался в среднем ориентировочно в 100 тыс. руб. Хотя средняя прибыль на валютных операциях бывает весьма разнообразна, но если даже принять во внимание самый минимальный процент (2–2,5) и перевести его на годовой расчет, то получится чудовищно крупный барыш на спекулятивный частный капитал.

Последнее обстоятельство послужило причиной тому, что свободный частный капитал в крайне незначительном размере по сравнению с имеющимися у него возможностями участвовал на закавказском рынке в сделках с государственными займами.

Значительную роль в спекулятивных валютных операциях играет нелегальный вывоз за границу валюты и золота. Способы вывоза самые разнообразные, и основными являются следующие: обмен золота на привозимые контрабандные товары, переправка через дипломатов иностранных миссий, через команды иностранных судов и т. д.

Вывоз же драгоценных камней за истекший год выразился в сравнительно незначительных цифрах, что объясняется отчасти сильным вздорожанием бриллиантов (в среднем на 40 %).

Наряду со скупкой и продажей валюты особое место в спекулятивной деятельности на черных биржах Закавказья занимают так называемые бараты – нелегальные переводные операции персидских купцов, способствующие переброске в Персию в значительных размерах иностранной валюты и золота.

Баратные операции развиты главным образом в Азербайджане. Первоначальная клиентура – персидские рабочие на нефтяных и рыбных промыслах – с течением времени пополнилась персидскими купцами. Посредством баратных контор купцы переводили на родину излишки валюты, получавшиеся вследствие разницы на ввозе и вывозе товаров. Ввиду явной выгоды подобных операций большинство персидских купцов стали сокращать размеры своих коммерческих товарных операций и переходить на посредническую, комиссионную работу. Центр тяжести был ими перенесен на ярмарочную торговлю, и они своей деятельностью создавали резкие скачки во взаимоотношении курсов червонца и персидских кран посредством искусственного доведения баратов до 38 кран за червонец.

Суточный размер баратных переводов в период, следовавший за окончанием ярмарок, доходил до 100 тыс. руб. Если персидские купцы, пользуясь баратами, получали крупные выгоды, то персидские рабочие, переводившие деньги своим семьям в Персию, теряли на курсовой разнице от 25 до 30 % своего жалованья.

Помимо переводов в баратные конторы сдавались персидскими подданными деньги на хранение. Последний факт еще более усиливал возможности контор по проведению крупных спекуляций валютой. Успешная борьба с баратными конторами приводит к значительному уменьшению ажиотажа на валютном рынке Закавказья.

Совершенно обособленно на валютном рынке группируются внутренние операции ростовщического типа – ломбардные и дисконтные. Получаемая частным капиталом от последних прибыль колебалась в месяц от 10 до 15 % по первым и от 8 до 10 % по вторым видам этих операций. Ввиду того что общая сумма вложения в них средств не превышала по Закавказью ориентировочно 500 тыс. руб., особого влияния на валютный рынок они оказать не могли».

Расскажем теперь о деяниях одного из подчиненных Григория Сокольников – Льва Волина. Последний с сентября 1923 года заведовал Особым отделом Валютного управления Наркомфина. Одна из задач этого подразделения – контроль над ситуацией, а если быть точнее, то попытка заставить часть маклеров действовать в интересах государства, на «черной валютной бирже» в Москве. Она функционировала на площади перед зданием официальной

валютной биржи. Также сотрудники Особого отдела следили за частной торговлей золотом и драгоценностями в столице Советской России.

С 1924 года Лев Волин занимался организацией размещения на иностранных биржах акций и облигаций Российской империи, которые все еще пользовались спросом. При этом знающие его люди отмечали, что во время заграничных турне жил он, говоря современным языком, не по средствам, при этом часто хвастался своими высокопоставленными покровителями среди руководства страны.

Хотя эти «высокопоставленные друзья» не спасли его от ареста в марте 1926 года. В мае того же года по приговору суда он вместе с двумя своими сотрудниками, А. Чепелевским и Л. Рабиновичем, был расстрелян. Еще несколько человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения.¹⁸

Отдельные журналисты утверждают, что чекисты требовали от Льва Волина дать показания в отношении Григория Сокольникова, но то ли улик оказалось недостаточно, то ли подследственный упорно молчал, но нарком финансов был арестован только в 1936 году и приговорен к десяти годам тюремного заключения.¹⁹ Если отбросить в сторону политическую окраску его дела, то можно предположить, что речь шла о преступлениях в экономической сфере. Обычно «троцкистов» сразу расстреливали, а не давали «червонец».

* * *

Приведенные выше примеры – это только ничтожная часть тех коррупционных дел, которые проворачивали тогда ловкие «бизнесмены», пользуясь хаосом и неразберихой трудного времени, покровительством высокопоставленных лиц, а то и прямым соучастием их в грязных сделках. Самое страшное, что в точном соответствии с пословицей «рыба гниет с головы» коррупция, поразившая кабинеты некоторых руководителей, распространялась до первичных торговых, промышленных и прочих государственных организаций. Об этом пойдет речь в следующей части.

¹⁸ *Ларсон М. Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930. С. 259–261.

¹⁹ *Люкимсон П.* Блеск и нищета политэкономии социализма. Не буду скрывать // http://www.isramir.com/index.php?option=com_content&task=view&id=4553&Itemid=0&dimit=1&limitstart=21

Часть 2

Распространение эпидемии коррупции

Дело Гохрана

В феврале 1920 года при Центральном бюджетно-расчетном управлении Наркомфина было создано Государственное хранилище ценностей Республики Советов – Гохран. Первой задачей, которую поставило перед Гохраном правительство, было принять в трехмесячный срок от советских учреждений все имевшиеся у них «на хранении, в заведовании или на учете ценности». Сдаче в Гохран подлежали в том числе ценности «в музеях и научных учреждениях», «переданные в пользование религиозных общин» и «находящиеся в распоряжении распределительных органов».²⁰

Понятно, что такая концентрация ценностей не могла оставить равнодушными нечистоплотных советских функционеров среднего и высшего звена. Проблемы у Гохрана начались с момента его создания. Несмотря на многочисленные декларации о строжайшем учете «каждого грамма» драгметаллов, порядок в этой организации удавалось поддерживать с трудом. Так, Владимир Ильич Ленин требовал от Наркомфина ускорить «разбор ценностей», запрашивал, «сколько ящиков вскрыто из скольких». Известен ряд фактов хищений из государственного хранилища, серьезно озадачивших главу правительства. Для предотвращения воровства и наведения порядка в этом особом ведомстве Гохран был взят под контроль ВЧК.

Ленин говорил о необходимости мобилизовать рабочих для проведения ревизий, настаивал на учреждении обязанности «всех без исключения членов коллегии НКФ не менее одного раза в месяц внезапно, днем или ночью лично» производить ревизии Гохрана.²¹

Был назначен и уполномоченный ЦК по Гохрану – Яков Юровский. Он был известен не только своим участием в расстреле царской семьи в июле 1918 года, но и честностью – лично снял с убитых кольца, браслеты, часы, медальоны и по описи сдал их затем государству. В мае 1920 года Яков Юровский доложил Ленину, что в Гохране что-то нечисто, много ценностей уходит «налево», видимо, действует какая-то организованная преступная группа. Сохранилась стенограмма их беседы, которая состоялась 16 мая 1920 года.

«16/V

Яков Михайлович ЮРОВСКИЙ:

(2-й Дом Сов[етов], № 565).

Хищения безобразные в Гохране.

Кража была как раз 4/V, в день моего прихода (я командирован в ЦеКа РКП от Народного Комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции).

Сказал Баше, что надо работу остановить сейчас же. Он не согласился. (4/7) (Он мотивировал спешным заказом, фондом для поляков).

Баша доложил в Н[ародный] Комиссариат] Фин[ансов], но и там затянулось.

В коллегии Н[ародного] Комиссариата] Ф[инансов] в[опро]са не обсуждали, хотя Сыромолотов поднял вопрос.

6/V я сказал Баше, ч[то] я дольше оставаться не могу. Не могу отвечать, раз идет «сплошное воровство».

²⁰ Сапоговская Л. В. Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6.

²¹ Сапоговская Л. В. Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6.

«Если бы я не знал Чуцкаева (заместитель комиссара финансов Сергей Чуцкаев. – *Прим. авт.*), я бы его расстрелял», – сказал я Альскому (заместитель комиссара финансов Аркадий Альский. – *Прим. авт.*). Альский просил изложить письменно.

В пятницу (13/V) взялся писать, но не написал и не сдал еще: болен был. (Ряд изменений в ведении дела я стал проводить: прием золота по весу и т[ому] подобное).

Нужна переорг[аниза]ция. Нужна слежка за 3-мя спецами (одного Ганецкий считает вне подозрения, но я не разделяю этого мнения).

Ежедневно пропадает до 1/2 милл[иона] руб[лей] золотом».

Владимир Ильич Ленин поручил расследовать это дело чекисту Глебу Бокия. Тот провел предварительное расследование и подтвердил правоту Якова Юровского. Вот только из-за полной неразберихи с учетом и отпуском ценностей поймать воров было трудно.

Ленин взорвался, главному куратору Гохрана замнаркомфина Аркадию Альскому 29 мая 1921 года он написал угрожающее письмо: не наведете порядок – посадим, ибо Гохран – центральное звено в экономике, так как «нам нужно быстро получить максимум ценностей для товарообмена с заграницей».

Одновременно Глебу Бокия было приказано:

а) найти организаторов хищений (а не «маленькую рыбешку» типа посыльных, учетчиков, рядовых оценщиков алмазов – в списке Бокия фигурировало свыше 100 человек);

б) составить полный список «комчиновников», которые забирали ценности без надлежаще оформленных бумаг или вообще по телефонному звонку;

в) дать перечень предложений по созданию системы защиты от будущих хищений.

Организаторов нашли быстро. Ими оказались три дореволюционных российских «бриллиантовых короля», взятых на работу в Гохран как ведущие эксперты: Пожамчи, из обрусевших греков, до революции владел целой «бриллиантовой фирмой» и имел фабрику по огранке алмазов в Антверпене (Бельгия); оценщик алмазов и бриллиантов Александров; а также другой оценщик – Яков Шелехес.

Всех троих взяли с поличным. На рабочих местах и дома при обысках нашли неучтенные или уже вынесенные из Гохрана бриллианты, «левые» накладные, переписку на бланках Наркомфина с иностранными партнерами. Главное же – все трое отвечали за оценку, сортировку и отправку (в том числе и за границу) драгоценных изделий. Всех троих обвиняемых летом 1921 года расстреляли.

Был составлен и второй список – тех «комчиновников», которые получали драгоценности без специальных разрешений.

Сигналы к чекистам о разбазаривании ценностей поступали и ранее. Скажем, «военспец» Н. И. Раттэль еще в 1918 году похвалялся золотой «екатерининской» табакеркой, усыпанной бриллиантами, которую ему якобы выдали вместо ордена. У начальника военных сообщений РККА М. М. Аржанова таким «орденом» была... инкрустированная золотом личная трость самого Петра Великого, которую «путеец» самовольно укоротил под свой рост, ибо был всего «метр с кепкой».²²

Можно также вспомнить свадьбу бывшего матроса П. Е. Дыбенко и генеральской дочери А. М. Коллонтай, с купеческим размахом проведенную в одном из реквизированных великокняжеских дворцов на золотой посуде и с хрусталем, после которой многие ценные вещи из дворца пропали – многочисленные гости унесли их «на память».

Среди длинного списка «отоварившихся» в Гохране (например, прокурор РСФСР, бывший прапорщик Николай Крыленко) числилась и некая «тов. Красина-Лушникова», которой

²² Андриященко Е. Г. По следам алмазного трона // Русский дом. 2006 год. Август.

опять же по записке Альского от 14 марта 1921 года предписывается выдать бриллиантов аж на целых 11 497,80 карат! В записке замнаркомфина указывается, что у просительницы есть письмо из Внешторга за номером таким-то от 14.03.21 и мандат «на личность» – номер такой-то, которые Альский будто бы оставил у себя на хранение. Однако, как говорится в отчете чекиста, «записка (Альского. – *Авт.*) не имеет печати. Несмотря на отсутствие мандата и печати, выдача производится и составляется акт на отпуск за № 33».

Кто скрывался за фамилией Красина-Лушникова, чекистам тогда установить не удалось. Зато известна судьба остальных упомянутых в этой записке лиц. Аркадий Альский был расстрелян 4 ноября 1936 года. Николая Крыленко в 1938 году арестовали по обвинению в принадлежности к антисоветской организации и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР приговорили к расстрелу.

«Хлопковое дело»

В архиве органов госбезопасности сохранился лишь один документ, по которому можно восстановить эту историю. В докладной записке на имя председателя ВЧК Феликса Дзержинского рядовой чекист лаконично рассказал о причинах ареста и ходе следствия по делу «хлопкового короля» Рафаэля Потеляхова и его брата Натаниэля. Поясню, что свой бизнес братья вели в Коканде (древний город, расположенный в Ферганской долине на территории Узбекистана).

Эта история началась в апреле 1918 года, когда бухарский еврей Рафаэль Потеляхов был арестован «по подозрению в контрреволюции» и оказался в одной из камер Таганской тюрьмы в Москве. Попал он туда не случайно. После Октябрьской революции в Туркестане образовалось двоевластие, с двумя правительствами, одно, коммунистическое, – в Ташкенте, другое, буржуазное, – в Коканде. В Коканде вскоре была объявлена республика, и в ее правительство в качестве министров вошли два местных олигарха – Рафаэль Потеляхов и Яков Вадыев. Эта «республика» просуществовала недолго. В феврале 1918 года в Коканд вошла Красная Армия.²³

Может быть, Потеляхова сразу расстреляли бы и мы бы никогда не узнали о его финансовых проделках, если бы чекисты случайно не узнали о его активной коммерческой деятельности. Началось следствие. И к ноябрю 1918 года было доказано три преступных эпизода деятельности этого «бизнесмена».

Во-первых, он «перевел на имя германского подданного 2400 паев потеляховского товарищества». Потом эти пай у германского подданного изъяло ВЧК («покупная ценность 30 млн. рублей»).

Во-вторых, «купил в ноябре 1917 года ватную фабрику, но она почти не работала. С декабря 1917 года она не работает, между тем гр. Потеляхов получил хлопок якобы для фабрики, а на самом деле продавал по спекулятивным ценам. До сих пор выяснено, что гр. Потеляхов продал таким образом 213 вагонов хлопка». Как это называется в цивилизованном мире? Мошенничеством и спекуляцией, учитывая то, что страна остро нуждалась в вате.

В-третьих, «Потеляховское товарищество («Потеляховское торгово-промышленное товарищество на паях» – *Прим. авт.*), во главе которого стоял Потеляхов, продавало хлопок урожая 1916 года (36 рублей за пуд) как хлопок урожая 1917 года (цена 118 рублей за пуд)». Снова мошенничество и спекуляция.

Может, автор и не стал бы рассказывать об этом эпизоде, если бы в документе не присутствовала одна фраза. «В настоящее время проводится дознание, каким образом Потеляхову удавалось обходить правила торговли хлопком и кто из служащих хлопкового комитета и «Центротекстиля» помогал ему в этом».²⁴ Кто знает, может, кто-нибудь из них сумел тогда уйти от ответственности, но не приходится сомневаться, что «карающий меч» органов госбезопасности все-таки настиг их в 1937 году.

А вот как сложилась дальнейшая судьба «хлопкового короля». Родственники Рафаэля Потеляхова, в том числе и его брат Натаниэль, хлопотали об его освобождении, предлагая за это большие деньги. Однако ВЧК решило этот вопрос по-своему, в интересах переживавшего тяжелые хозяйственные затруднения Советского государства. На документе резолюция председателя ВЧК: «Тов. Аванесову. Вот справка о деле «хлопкового короля» Потеляхова.

²³ История бухарских евреев с древнейших времен до настоящего времени // <http://www.analitika.org/article.php?story=2006101022443651>.

²⁴ Справка сотрудника ВЧК о деле бывшего «хлопкового короля» Потеляхова, уличенного в спекуляции. 25 ноября 1918 года // Цит. по: «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921. Сборник документов». М. 1958. С. 220–221.

Мы предложили отдать его родственникам, если они дадут за него несколько миллионов пудов хлопка. Ф. Дзержинский».

Выпущенный из тюрьмы Потеляхов не вынес для себя уроков из этого дела. Вернувшись в Среднюю Азию, бывший арестованный нашел приют в Бухарском эмирате, где сидели «свои» люди. По материалам, собранным Ф. П. Лексашевым, он сумел проникнуть в представительство Туркеспублики при эмире бухарском. Здесь он вместе с братом вел агитацию против советской власти, тормозил хозяйственные и финансовые дела молодой Советской республики, продолжая заниматься спекуляцией. Поняв, наконец, безнадежность своих ожиданий реставрации старого режима и боясь новых репрессий со стороны Советской власти, братья Потеляховы удрали за границу, куда ими заблаговременно были переведены капиталы.²⁵

²⁵ Коканд колониальный // <http://hokandi.narod.ru/history/krukovskaja/krukovskja-2.htm>

«Гаражное дело»

29 декабря 1919 года ВЧК издало приказ «О мероприятиях по борьбе с хищением бензина, горючей смеси и автомобильного имущества». В нем сообщалось:

«Настоящим ВЧК считает необходимым довести до сведения всех заведующих гаражами, всех шоферов, мотоциклистов как гражданских, так и военных учреждений о следующем.

До сведения ВЧК дошло, что в автобазе Совнаркома свили себе гнездо спекулянты-мародеры, занимавшиеся систематической кражей автомобильного имущества и горючей смеси.

Назначенное следствие выяснило, что стоявший во главе гаража гр. Ушаков, бывш. дворянин и бывш. заведующий царским гаражом, и на советской службе не позабыл дворянские свои замашки, ведя широкий, разгульный образ жизни и тратя тысячи на «мелкие» расходы, несмотря на получаемое жалованье в 3000 рублей. Ясно, что «мелкие» расходы гр. Ушакова покрывались горючим материалом совнаркомовского гаража.

Гр. Ушаков не только не следил как начальник за цельностью вверенного ему автомобильного имущества и смеси, но, наоборот, всяческим путем распустил служащих гаража, не обращая внимания на расхищаемое ими народное добро. Пользуясь властью начальника, гр. Ушаков пользовался машинами для своих надобностей, как, например, для поездки в театр, на прогулки и т. д.

Не отставали от своего начальника и подчиненные ему шоферы. Так, при обысках и арестах обнаружена краденая горючая смесь у шоферов Демидова, Жукова, Соломовича и др.

Характерно, что эти господа, воруя советское добро и накапливая большие суммы денег, устраивают балы, вечера, на которые гости собираются в советских автомобилях. Рассмотрев это дело, ВЧК постановила, хотя и все виновные вполне заслужили это, не применяя к ним высшей меры наказания (расстрела), ограничившись заключением в тюрьму на 5 лет с применением принудительных работ, приняв во внимание общее явление, царящее в гаражах, но вместе с тем обратиться с настоящим предупреждением ко всем начальникам гаражей, шоферам, мотоциклистам, заведующим кладовыми автомобильного имущества и горючей смеси о том, что если в дальнейшем не прекратятся хищения народного добра, если борющаяся наша Красная Армия благодаря хищничеству, мародерству господ Ушаковых, Жуковых, Демидовых и др. терпит недостаток в автомобилях, мотоциклах, смеси, бензине и пр., то твердая рука честных пролетариев в лице ЧК не пощадит их в дальнейшем за малейшее желание поживиться достоянием всего народа. Предупреждаем, что за всякую кражу бензина, смеси, автомобильного имущества виновные будут наказаны по законам революционного военного времени с применением к ним высшей меры наказания».²⁶

²⁶ Приказ ВЧК от 29 декабря 1919 года // Цит. по: «Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ 1917–1926». М. 2007. С. 151.

Дело Центросоюза

Сначала кратко расскажем о том, чем занимаются входящие в Центросоюз организации. Согласно Закону РФ «О потребительской кооперации» от 19 июня 1992 года № 3085-1:

«потребительская кооперация – система потребительских обществ и их союзов разных уровней, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов; потребительское общество – добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное, как правило, по территориальному признаку, на основе членства путем объединения его членами имущественных паевых взносов для торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов».

Кратко расскажем об истории Центросоюза и объясним, почему в Москве потребовалось содержать огромный бюрократический аппарат. У истоков кооперативного движения России стояли декабристы. Первое потребительское общество «Большая артель» было создано ссыльными декабристами на Петровском заводе в Забайкалье (ныне город Петровск-Забайкальский) в 1831 году. К концу девяностых годов XIX века в России было зарегистрировано уже 557 потребительских обществ. В этот период осуществлялась идея создания общероссийского центра – МСПО (Московского союза потребительских обществ). В сентябре 1917 года МСПО было переименовано в Центросоюз. В 1918 году в Центросоюз были принудительно включены все союзы потребительской кооперации, а в марте 1919 года создана система потребительской кооперации со следующей структурой: первичное потребительское общество – райсоюз – губсоюз – Центросоюз. Так возникли советский Центросоюз и советская потребительская кооперация.

Впервые Центросоюз привлек внимание чекистов в конце 1919 года. В феврале 1920 года руководство ВЧК доложило членам советского правительства, что чекистами арестовано 194 человека, которые занимали различные должности в центральном аппарате и петроградском отделении Центросоюза. Всем им инкриминировалась активная подрывная деятельность против советской власти. У многих из задержанных сотрудников и руководителей Центросоюза при обыске были обнаружены документы, изобличающие их в связях с белогвардейцами и интервентами.²⁷

Результаты расследования чекистами деятельности Центросоюза газета «Правда» опубликовала 20 апреля 1920 года в статье «Белогвардейские кооператоры» за подписью Феликса Дзержинского. Вот текст этого сообщения:

«В период налаживания хозяйственной жизни страны Советская власть естественно и неизбежно должна была прибегнуть в области снабжения и распределения среди населения предметов первой необходимости к услугам и опыту старых кооператоров. Пользуясь иногда громадным доверием со стороны органов нашей власти и работая внешне рука об руку с ними, эти лица постоянно указывали, что, несмотря на разность политических убеждений и взглядов на разворачивающиеся сейчас мировые события и на ход нашей революции, они тем не менее могут идейно и честно работать вместе с коммунистами на почве кооперации, так как последняя абсолютно нейтральна. Любимыми мотивами этой отживающей ныне свой век старой кооперации, оправдывающими ее существование, являлись в их устах: аполитичность кооперации, краснокрестный характер ее деятельности, невмешательство в государственную политику власти и т. п. Но все это было только на словах. На деле «нейтральность» по отношению к Советской власти превращалась внутри страны в глухую подпольную борьбу со всей линией нашей экономической политики, в то время как за советским

²⁷ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М. 2007. С. 612.

рубежом кооперация, попавшая в сферу влияния белогвардейщины, немедленно сбрасывала маску «нейтралитета» и на этот раз искренне и дружно вливалась в единый фронт врагов большевизма. Так, например, в своем докладе Деникину, напечатанном в № 2 «Бюллетеня кооперации юга России» от 10 декабря 1919 г., член правления Центросоюза Н. М. Михайлов заявляет:

«Везде, где кооперативные организации входили в сферу влияния добрармии, они немедленно и на этот раз искренне и охотно устанавливали тесные отношения свои, иногда жестоко страдая от большевиков при временном возврате большевистской власти».

В настоящее время ВЧК располагает достаточным количеством материалов, которые с неопровержимой ясностью вскрывают эту подпольную сторону деятельности сохранившейся еще в правлении Центросоюза группы старых кооператоров. Путем следствия по делу о многочисленных злоупотреблениях в петроградских отделениях Центросоюза и Центросекции (происходивших еще до слияния этих двух организаций в одно целое) установлено, что эта группа за спиной остальной части правления проводила свою закулисную политику, идущую вразрез с интересами и заданиями Советской власти. Будучи через А. М. Беркенгейма, в свое время пробравшегося в Англию и сыгравшего такую «громкую» роль в вопросе о товарообмене, связаны с возглавляемым Беркенгеймом заграничным объединением русских кооператоров, эти лица получали от него инструкции и директивы, которые в конечном результате сводились к восстановлению в России свободной торговли, денационализации банков и пр., т. е. другими словами, к свержению Советской власти экономическим путем, что вполне совпадает с тезисами Михайлова в докладе Деникину.

Так, в прошлом году, накануне ожидавшейся оккупации Петрограда, названной частью правления Центросоюза, согласно полученным из Англии от Беркенгейма инструкциям, были даны директивы заведующему петроградским отделением Центросоюза В. Н. Крохмалю (бывший член ЦК меньшевиков) относительно ряда финансовых операций и дальнейшей деятельности отделения на случай занятия Петрограда белыми, причем в директивах этих ясно видна была рука настоящих закулисных их вдохновителей, т. е. заграничного капитала. Между прочим в них говорится:

«Разыщите экспортные товары, затратьте на них все имеющиеся у вас средства, затратьте все, что вы выручите от продажи наших товаров, и шлите все это нам. О выгоде особенно не заботьтесь. Продавайте по ценам, какие сможете выручить, покупайте, почем можете купить, а прибыли и убытки посчитаем потом.

Не очень разборчивы будьте и в отношении товаров. Лен, пенька, лес – нам здесь все пригодится. До книг включительно. (Мы слышали, что в Петрограде имеются по сравнительно недорогой цене издания русских классиков, а здесь этот товар сейчас в большом спросе. Рекомендуем поэтому серьезно об этом подумать.)

В поисках экспортных товаров не следует ограничиваться Петроградом, а обследовать и округу, оставив, конечно, для нее некоторую долю товара. В нужных случаях входите в контакт и работайте через другие кооперативные организации.

Вообще говоря, это – самый большой вопрос, и от удачного его разрешения зависит все будущее наших отношений».

На основании этих данных Всероссийская чрезвычайная комиссия нашла нужным арестовать членов правления Центросоюза Д. С. Коробова, В. А. Кузнецова и А. Н. Лаврухина и произвести по данному делу всестороннее расследование».

В августе 1922 года чекисты выявили злоупотребления в трех отделах этой организации.

«По Отделу хозяйственных товаров.

Зам. заведующего отделом Воздвижинским (дело № 15289) были заключены договора с частной конторой «Карякин и Иссерлин» на покупку у последней 10 вагонов железа, при-

надлежащего Югостали и Райметаллу. Цена по договору в день подписания превышала биржевую цену. После получения 8 вагонов Воздвижинский аннулировал соглашение, а оставшиеся два вагона покупаются им у указанной частной конторы спустя неделю по цене в 500 раз дороже, т. е. цена в соглашении 290 000 руб. за 1 пуд, а цена последних двух вагонов 1 100 000 руб. за пуд. В день оплаты курс Госбанка составлял 2 300 000 руб., а Карякину и Иссерлину оплачивается по 2 700 000 руб...».

В Мясном отделе частному контрагенту выдали сумму, превышающую указанную в договоре в два раза, «при этом поставщика и полученной продукции нет».

«По Мануфактурному отделу.

Отмечен случай покупки Центросоюзом у Гостреста товаров через частное лицо, которому в виде комиссионных выдано около 2 млрд. руб., при этом Центросоюз знал, что можно приобрести товары без посредника непосредственно у трестов».²⁸

Все лица, проходящие по делу Центросоюза, понесли заслуженное наказание, но сколько осталось не разоблаченных мошенников! Не разоблаченных до поры до времени... «Сколь веревочке не виться», – а впереди был 1937 год!

²⁸ Краткая справка о делах по Центросоюзу. Специфические явления криминального характера по Центросоюзу. 25 августа 1922 года // Цит. по: *«Епихин А. К.)*, *Мозохин О. Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928)». М. 2007. С. 338–339.

Клубное дело

С введением нэпа у мошенников, аферистов, спекулянтов и коррупционеров появляются и «новые возможности». Органы госбезопасности сбивались с ног, раскрывая все большее количество преступлений. Так, например, в декабре 1922 года Экономическое управление ГПУ возбудило несколько десятков уголовных дел по фактам хищения и растраты денег, проигранных в казино или, как их тогда называли, клубах. Через какое-то время внимание чекистов привлекли руководитель «Театра революционной сатиры» М. А. Разумный и бывший управляющий Народного театра в Петрограде, а позже директор-распорядитель Московского театрального общества и объединения клубов Москвы А. А. Евреинов. Последний в 1922 году получил разрешение в Моссовете на открытие игорных клубов и концертную деятельность.

В феврале 1923 года обоих арестовали по обвинению в злоупотреблении по должности и хищению государственных средств. Что же конкретно совершили эти люди?

«11 мая 1923 года комиссией НКВД по административным высылкам было заслушано дело за № 17436 по обвинению гр. Разумного М. А. по ст. 73, 83, 130, 132 и 194 Уголовного кодекса РСФСР и гр. Евреинова А. А. по ст. 16, 130 и 136 Уг. кодекса.

Согласно постановлению вышеупомянутой комиссии, гр. Разумный и гр. Евреинов были признаны виновными в совершении преступлений вышеуказанными статьями и высланы в административном порядке:

1) гр. Разумный на 3 года в один из сибирских концлагерей с содержанием под строгой изоляцией и 2) гр. Евреинов в гор. Томск на 2 года. В отношении же движимого и недвижимого имущества упомянутых граждан комиссия постановила просить Президиум ВЦИК о конфискации такового. Так как ст. 130 Уголовного кодекса РСФСР предрекает конфискацию имущества, а также ввиду того, что все имущество, как отобранное у означенных граждан, так и опечатанное в квартирах по материалам дела, накоплено означенными гражданами исключительно во время периода их деятельности, когда они злостно нарушали заключенный ими договор с Моссоветом, не исполняя таковой и создав задолженность на сумму до 3 триллионов, в то время как из выручек клубов затрачивались огромные суммы на покупку художественных картин, беговых лошадей, бриллиантов, золотых и платиновых ценных вещей. Кроме того, при обыске на квартире матери Разумного была найдена иностранная валюта и золотые монеты приблизительно на ту сумму, которая фактически должна была быть внесена по договору Моссовету. Значительная часть накопленного богатства была составлена гр. Разумным благодаря практиковавшимся в клубе ростовщичеству и мошенничеству родственников гр. Разумного, устроенных им на службу в клубах.

Из обнаруженных у гр. Разумного сумм около триллиона рублей было приобретено им у своих компаньонов путем шантажирования их, что означенная сумма берется им якобы для передачи *«кому-то в Моссовете»* (выделено мной. – *Авт.*) за получение договоров на клубы.

На основании всего вышеизложенного Президиум ГПУ просит вашего постановления о конфискации движимого и недвижимого имущества гр. М. А. Разумного и А. А. Евреинова, где бы таковое ни находилось».²⁹

²⁹ Письмо в Президиум ВЦИК по делу М. А. Разумного и А. А. Евреинова. 23 мая 1923 года // цит. по «Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ 1917–1926». М. 2007. С. 483–484.

Дело Ленинградского военного порта

В 1925 году чекисты завершили расследование дела, связанного с Ленинградским военным портом. По составу имеющихся преступлений дело было разделено на две основные части:

1. «Систематическое хищение в крупном размере, производившееся в 1918–1925 гг.»
2. «Взяточничество должностных лиц за этот же период времени».

Так, «в 1924 году от 70 до 100 % средств, выделяемых на различные статьи расходов Высшим морским командованием, расходовались не по назначению. От 50 до 60 % прибывших в адрес порта грузов было похищено и продано нэпу».

Хотя на территории порта исчезали не только чужие грузы. Так, хищение жидкого и твердого топлива достигло «колоссальных размеров, в которых участвовал штаб Балтфлота, в лице флагмеха и его помощника, командиры транспортов, пом. командиров ЛВП и весь товарно-топливный отдел».

Вот одна из схем хищения. Была организована частная контора «Заводопомощь», которая арендовала одну проходную комнату где сидела машинистка с печатной машинкой. Сотрудники порта тайно вывезли 3200 тонн мазута, который и передали в распоряжение конторы. А «Заводопомощь» продала из них 800 тонн Ижорскому заводу и остальное – другим госорганам, нуждающимся в мазуте.

Также в Ленинградском военном порту расцвело взяточничество. «Брали за услуги и взаймы и «просто из любезности», как с отдельных подрядчиков, так и представителей госучреждений». Высшая администрация порта только от подрядчиков по ремонтно-строительным работам получила 300 тысяч руб. золотом.

В качестве обвиняемых по делу были привлечены 116 человек.³⁰

³⁰ Доклад уполномоченного ЭКО ПП ОГПУ в ЛВО Сократилина по делу № 1368 – Ленинградского военного порта. 16 февраля 1925 года // Цит. по «Епихин А. К.), Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928)». М., 2007. С. 475–478.

Еще примеры хищений, подлогов, мошенничества

Хищения на железных дорогах. Начальник отдела снабжения Октябрьской железной дороги поручил своему тестю Медовому поставку для дороги горелок, ламповых стекол и фитилей. У Медового не было ни горелок, ни денег – он просто получает в Ленинградском едином потребительском обществе (ЛЕПО) образцы горелок, представляет их в отдел снабжения, там составляют акт осмотра и платят Медовому за всю поставку.

Заведующий коммерческим отделом Ленинградского отделения Трансмосторга организовал частную контору «Лакокраска» и сам переписывался с собой как с ее владельцем, совершая различные сделки (особенно много выкачал из Трансмосторга ультрамарина, который потом поставлял через своего брата госорганам же в Москву).

Начальник отдела Северо-Западной железной дороги инженер Лукьянов сам производил поставки этому отделу (через подставное лицо – бывшего адвоката Зуккау) и сам производил приемку.

Консультант Октябрьской железной дороги Львов был в 1922 году почти монопольным поставщиком на эту дорогу разных материалов, подавая заявления и пр. от имени вымышленного лица Шура. Он поставлял, например, цинковые бидоны, «добывая» их в Фондкомбалте, и т. д.

Начальник Северо-Западной железной дороги Храповицкий лично договорился с представителем торговой компании о покупке 1 600 килограмм шведских гвоздей. Деньги были сразу уплачены продавцу, ну а гвозди были взяты из принадлежащего государству сарая.

Дело Фондовой комиссии Балтфлота. В марте 1925 года военные контрразведчики сообщили руководству Лубянки о криминальной деятельности Фондовой комиссии Балтфлота.

«Преступление заключалось в том, что администрация Балтфлота реализовывала большое количество имущества Балтфлота (суда, машины, металлы, всевозможную мех. арматуру и др.), как негодное, так и годное, под видом негодного, за явный бесценник, преимущественно частным скупщикам и спекулянтам, получая за это от последнего крупные взятки.

Кроме того, Фондкомбалт сдавал частным предпринимателям, так же за взятки, подряды на всевозможные работы, как то: разоборудование судов, переданных в большом количестве Морведом для реализации».³¹

Дело завода «Треугольник». Служащие завода «Треугольник» организовали частную контору под названием «Контора Мартынова», у которой покупали кабель, который... сами же и производили. Схема хищения была такой. Из одних ворот, с территории завода, вывозился на склады «Конторы Мартынова» краденый кабель, который тут же ввозился в другие ворота обратно на «Треугольник». Понятно, что эту «поставку» оплачивал «Треугольник».

Дело агента Ташкентской железной дороги. Некий Лошинский был принят на службу Ташкентской железной дорогой, которая поручила ему заготавливать древесину (а потом то же сделала Западная железная дорога). У него имелась доверенность, из которой следовало, что он является совершенно самостоятельным лицом, существующим на проценты с получаемых работ, причем железная дорога уплачивает этому своему «агенту по заготовке лесных материалов» себестоимость поставленных материалов плюс 25 % к этой

³¹ Доклад помощника начальника IV отделения ОО ОГПУ Стасюка по делу Фондкомбалта. 6 марта 1925 года // Цит. по «Епихин А. К.), Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928)». М., 2007. С. 478–480.

себестоимости. Лошинский имел право по доверенности самостоятельно увольнять и принимать служащих и т. д. — одним словом, он являлся в полной мере частным подрядчиком, а формально числился агентом железной дороги по заготовке различных шпал и т. п., государственным служащим. В качестве такового он «работал» без залога, без неустойки, без уплаты налогов и сборов, полагавшихся с частных лиц, на авансы дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.